

Хэ Цинцы, не спеша пригубив чай, произнес:

— Евнух, ты не собираешься оглашать указ?

Вэй Чжундэ, до смерти перепуганный ледяным тоном князя, даже головы поднять не смел. В народе поговаривали, что Ван Аньнана — настоящий демон из преисподней, убивающий без жалости и способный сложить целую гору из отрубленных голов. Навлечь на себя гнев такого человека — значит обречь себя на верную гибель, и даже императрица не сможет его защитить.

— Ваше Высочество Ван Аньнана, раб осознал свою вину... — чтобы спасти жизнь, он растягивал слова, ползая по полу, а его лицо, залитое слезами и соплями, выглядело крайне жалко.

Хэ Цинцы усмехнулся:

— В чем же твоя вина? Лучше поскорее огласи указ, а то если императрица решит, что я медлю, как я оправдаюсь?

Хотя он говорил это спокойно, серебряная чашка в его руке от легкого сжатия пальцев начала деформироваться. Нетрудно было догадаться, что, окажись на ее месте человеческие кости, они бы разлетелись в пыль.

Вэй Чжундэ, не успев даже утереть лицо, пополз к дверям, где был брошен свиток с Ичжи. Подхватив его, он, стоя на коленях, протянул указ высоко над головой и заискивающе пролепетал:

— Это я, старый дурак, все перепутал. Императрица души не чает в Вашем Высочестве, разве могла бы она винить вас? Это все мой длинный язык, не сумел донести слова как надо. Достоин наказания, достоин!

С этими словами он положил свиток на пол и принялся со всей силы бить себя по щекам, приговаривая:

— Бейте меня, никчемного пса, посмел оскорбить Ваше Высочество Ван Аньнана, воистину достоин смерти...

Будь он просто Шестым ваном, к нему можно было бы обращаться как к вану, но поскольку Хэ Цинцы носил титул Ван Аньнана, к нему следовало обращаться как к Его Высочеству — так же, как к обитателям центрального дворца.

Хэ Цинцы, которому все это наскучило, подпер голову рукой и принялся разглядывать серебряную чашку. Он думал лишь о том, что вместо пустой траты времени на этого человека лучше пойти к Шу Шиюню, который ждет новостей.

Сичжао, заметив нетерпение князя, по своей инициативе забрал указ и приказал выпроводить Вэй Чжундэ из поместья.

Когда тот ушел, Нянь Цзи, все еще сердито покусывая палец, возмутился:

— Ваше Высочество, вы слишком добры! Эта проклятая тварь наговорила таких вещей, что наш Чжэнцзюнь от ярости кровью харкал, а вы так легко его отпустили! Слишком дешево он отделался!

От ярости харкал кровью?

Взгляд Хэ Цинцы стал острым, он небрежно покрутил чашку в руках:

— Что именно он сказал?

Нянь Цзи, только и ждавший возможности пожаловаться, слово в слово повторил оскорбления, которыми Вэй Чжундэ осыпал Шу Шиюня, в точности имитируя его тон. Напоследок, опасаясь, что князь не поверит, он ударил себя в грудь:

— Каждое слово — чистая правда! Готов поклясться жизнью, если хоть в чем-то приукрасил, пусть меня гром поразит!

Видя, что Хэ Цинцы задумчиво смотрит на чашку, он набрался смелости и добавил:

— В тот день, кроме меня, там был еще слуга Нянь Фу, если не верите — можете позвать его... для очной ставки.

Его голос становился все тише, так как Сичжао подмигнул ему и слегка покачал пальцами, спрятанными в рукаве. В гневе князя лучше лишнего не болтать.

Спустя долгое время Хэ Цинцы издал холодный смешок, от которого комнату словно сковало льдом, пробирая присутствующих до костей.

— Это чай Белые почки из облаков и туманов? — медленно произнес он, и эти слова никак не вязались с ледяной атмосферой.

— Да, — тихо ответил Сичжао и, помедлив, добавил: — Его прислал Второй ван.

Белые почки из облаков и туманов тоже были данью императору, но не такими редкими, как Снежная рыба. Зная, что единственная страсть Шу Шиюня — это чай, Хэ Жуйтин распорядился выделить половину порции и прислать ему. В конце концов, для супруга своего младшего брата Хэ Жуйтин делал все возможное.

Шу Шиюнь, лежа в постели, рассеянно листал книгу и то и дело поглядывал на дверь. Лишь когда в поле зрения показалась знакомая фигура, на его лице появилась мягкая улыбка.

— Цинцы. — Он протянул руку навстречу, его глаза лучились теплом.

Хэ Цинцы сбросил верхнюю одежду, передал ее служанке и широкими шагами подошел к кровати, обнимая супруга.

— Скоро придет тай-и Чжан, проверит твоё состояние. Если здоровье позволит, мы вместе поедем во дворец на пир.

— А если не позволит? — Шу Шиюнь испуганно посмотрел на него, боясь, что Хэ Цинцы оставит его одного, и от волнения зашелся в приступе кашля.

Хэ Цинцы погладил его по спине, успокаивая:

— Тогда я останусь с тобой в поместье.

Шу Шиюнь успокоился, взял руку мужа и положил ее себе на живот, отчего его щеки залил нежный румянец:

— Цинцы, потрогай его.

Под халатом живот был слегка округлен, но не сильно. Из-за нехватки питательных веществ ребенок был слабоват и почти не шевелился. Если бы не мучительные боли, периодически пронзавшие все тело, Шу Шиюнь не поверил бы, что дитя еще живо в его измученном теле.

— Почти шесть месяцев? — Хэ Цинцы не мог отчетливо почувствовать ребенка через ткань, поэтому просто приподнял подол халата и провел рукой по животу. — Кажется, меньше, чем когда ты носил Фу Ли.

— Этот ребенок не такой крепкий, как Фу Ли. — При упоминании о преждевременно рожденном старшем сыне лицо Шу Шиюня помрачнело.

Хэ Цинцы не хотел беречь его раны, просто вырвалось случайно:

— Прости.

Не дожидаясь ответа, он прильнул к чувствительной мочке уха супруга, слегка коснувшись ее языком. Шу Шиюнь вздрогнул, но не отстранился. Если посчитать, они не были близки уже почти полгода.

— Придет тай-и Чжан, спрошу у него, можно ли нам быть вместе. — Хэ Цинцы окинул его взглядом, и Шу Шиюнь почувствовал, как от этого откровенного внимания его словно охватило пламя.

— Сам и спрашивай, если хочешь, — пробормотал он, краснея до корней волос.

Тай-и Чжан пришел быстро. Войдя, он почтительно поклонился Хэ Цинцы и приступил к осмотру. Проверив пульс, он погладил седую бороду и спросил:

— Были ли у Чжэнцзюня в последнее время боли в животе?

Шу Шиюнь, лежа на спине, взглянул на Хэ Цинцы и опустил глаза:

— Были.

— Ощущали ли вы жар во всем теле, тревогу или смятение?

— Были.

— Кровотечения из нижних путей повторялись?

Шу Шиюнь погладил живот:

— Когда сильно кашляю, появляются следы крови.

В глубине пронзительных глаз Хэ Цинцы промелькнула тень, вокруг него словно разлился ледяной холод. Тай-и Чжан, казалось, не замечая этого, продолжал расспросы:

— А как часто вы ходите в туалет? Сколько раз в день?

Вопрос прозвучал неожиданно, и Шу Шиюнь от стыда покраснел до самой шеи. Под пристальным взглядом врача он был вынужден прошептать:

— Не слишком часто. По-большому — раз в два-три дня, а по-маленькому... семь-восемь раз.

Он был очень застенчив и не позволял прислуживать себе в туалете. Даже когда из-за кровотечений не мог ходить, он просто стал меньше пить чаю, лишь бы не просить о помощи. Но даже если не пить воду совсем, сдерживать мочеиспускание все равно не удавалось, три-четыре раза в день выходило точно.

Хэ Цинцы приподнял бровь, но промолчал.

— Случается ли недержание?

Шу Шиюнь окончательно спрятал голову под одеяло, оставив снаружи лишь черные пряди волос. Если бы выражение лица тай-и Чжана не было столь серьезным, он бы от стыда пожелал провалиться сквозь землю.